

ЕЛЕНА ГОВОР

РУССКИЙ СИДНЕЙ — У ИСТОКОВ

(Продолжение. Начало в «АМ» №№ 41, 43)

ОБ АВТОРЕ

Историк и писательница Елена Говор была среди зачинателей альманаха «Австралийская мозаика» и все восемнадцать лет его существования была не только постоянным автором журнала, но и вдохновителем и советчиком главного редактора. Елена Говор — доктор философии, научный сотрудник Австралийского национального университета, специалист по истории русско-австралийских связей.

III.

ОБЩЕНИЕ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ жизнь оказались в условиях эмиграции не менее важным моментом, чем добыча хлеба насущного. «Первое моё желание было получить доступ к университетской библиотеке, но без рекомендации сделать это оказалось трудно, а знакомых таких пока нет», — писал Виктор Курнатовский вскоре после приезда. Два месяца спустя ситуация не изменилась: «В общем, живётся довольно скучно, знакомства ни с кем из интеллигентных англичан завести не удалось. В социалистическом клубе люди тоже все заняты,

да и интимное знакомство здесь не в моде».¹ Впечатления Марии Ясиновской вначале были радужные: «Хозяйка [квартиры] — предупредительная, славная женщина, очень вежлива к нам. Народ здесь вообще очень вежливый и симпатичный, к русским относятся хорошо, слышали о Толстом, и то даже простые рабочие», но через пару месяцев она уже пишет: «Я здесь ужасно скучаю [...] Здесь русскими не очень интересуются, много толкуют о Толстом,

но никаких бурных чувств к русским не питают».²

Представления о русских были у австралийцев в то время весьма ограниченными, и Толстой, действительно, оказался главным властителем дум.

Например, Изгнанник (Иван Антонов) вспоминал, что в честь 80-летия Толстого вся служба в одной из протестантских церквей Сиднея была посвящена его чествованию. Красовался его портрет, сообщались биографические сведения о нём, объяснялось значение его произведений для культурного человечества,

¹ В. К. Курнатовский — Б. Д. Оржиху, Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6317, оп. 1, д. 73, л. 222.

² М. Ясиновская — Б. Д. Оржиху, ГАРФ, ф. 6317, оп. 1, д. 49, л. 1–7, 13.

COUNT LEO TOLSTOY.

The great Russian writer, who celebrated his eightieth birthday on the 28th of last month, wears peasant's clothes and leads the "simple life," although, unknown to himself, his wife sees to it that his living, if plain, is always of the very best. He has just issued a striking manifesto against Government atrocities in his country. (Photograph by Fleet Agency.)

Таким предстал Лев Толстой на страницах австралийских газет в год его 80-летнего юбилея

читались некоторые выдержки из них.

«Великий писатель земли русской не только хорошо известен народу в Австралии, но и любим им, преимущественно за нравственно-философскую сторону его творений, чего нельзя сказать о других представителях родной литературы, за исключением Горького, которого знают многие».³

Изгнанник обнаружил интерес к Толстому и у обитателей кожно-венерической лечебницы, но их интерес отнюдь не ограничивался Толстым:

«Раскаты бурных громов, пронёсшихся над моей отчизной, гулким эхом докатились

³ Изгнанник [И.Н. Антонов]. Из моих скитаний. — Далёкая окраина, № 714, 27 сентября 1909, с. 2.

и до берегов Австралии. Туземцы живо интересовались моей родиной, но почти не знали её.

И когда я пришёл в их семью, меня засыпали вопросами, сначала осторожно подозрительно, затем открыто и возбуждённо.

— Эй, новый товарищ, — обратился ко мне Литл Джим, — спой нам песню твоей родины!

— Верно! — загудели голоса, — спой нам песню твоей родины!

— Это мысль, — буркнул угрюмо Джон Спикер.

Я не думал, что унылые песни родного края произведут впечатление на моих слушателей, но принял предложение, познакомив предварительно их с содержанием нескольких мелодий.

Мои песни имели успех... Их встретили горячим приветствием.

Литл Джим, видимо растроганный, произнёс печально:

— Я понимаю тебя, Джон... Я был в России... Здесь — другой народ».⁴

Интерес к русской песне у австралийцев не случаен. В отсутствие непосредственных контактов с Россией и русскими, она становится маркером, своего рода мемом, облегчающим постижение далёкой неведомой страны. В 1909 году австралийские газеты печатают очерк «Русские народные песни», в котором, наряду с вполне компетентным музыковедческим комментарием, содержались проникновенные слова о значении песни для русских: «Для русских характерна глубокая и нежная любовь к своей стране. Даже страдая от тирании и угнетения, они обычно предпочитают оставаться на родине,

⁴ Изгнанник [И.Н. Антонов]. Замок прокажённых. — В кн.: На пире земли (Рассказы и песни). Петроград: Тип. Научное дело, 1916, с. 29, 35.

а не искать новый дом в более счастливой стране. Возможно, народная песня, позволяющая через слова и музыку раскрыться русскому сердцу, — это одна из тех волшебных нитей, что привязывает их к родным очагам».⁵

Но чаще Изгнаннику встречалось более мрачное представление о России. В письме доктору Русселю он писал: «Россией здесь интересуются. В каждом номере журналов есть статьи и карикатуры. В одном из Сиднейских театров эту неделю играют "The Anarchist or a Prisoner of Russia", на улицах кричащие афиши с изображением бомб и всякой стрельбой по этому поводу».⁶ Например, когда он накормил голодную девочку-проститутку — о ней мы рассказывали в предыдущем очерке — у них завязалась характерная беседа:

— Ах, вы нездешний!.. К какой нации вы принадлежите?..

— Вы не знаете, вероятно, моей нации, дитя моё!.. [...]

Статья о русских песнях в австралийской печати

RUSSIA'S FOLK-SONGS.

No country in Europe has more varied and charming folk-songs than has Russia, nor a greater number. There are songs of nature, songs to be sung as an accompaniment to dancing, humorous ditties, wedding songs, funeral chants, and songs descriptive of the adventures of giants, robbers and heroes. It is said that every Russian artisan and peasant sings while he works. The Russian folk usually sing without accompaniment except when some ancient instrument, peculiar to the country, is used. They have a primitive guitar, among others, which they call a *bandura*, and the *gondok*, a violin with 23 strings. These instruments are in a measure responsible for the limited compass of the Russian folk-song, which gives to them their most marked peculiarity. Few of them exceed an octave, and some, the most ancient, are limited within a fourth.

The history of Russia has not been a happy one, to say the least, and so the songs of her folk are mostly sad and in a minor mode, and express melancholy and tenderness usually. Even these in a more joyous, hopeful strain, written in the major, end with a minor chord. In the Russian army the soldiers sing national melodies in barracks and on campaign.

⁵ 'Russia's folk songs', Age, Melbourne, 25.09.1909, с. 4.

⁶ Изгнанник — Н. К. Русселю, 4.07.1908, ГАРФ, ф. П5825, оп. 1, д. 134, л. 5 об.

— Но кто же вы? Скажите... Я прошу.

— Если вы так хотите, я — русский.

— Русский... Русский... А-а, вы бросаете бомбы?

— Нет, мой друг, я не бросаю бомб... И в России не все и не всегда бросают бомбы... Там живут так же, как и здесь.

— Почему же вас не убили?

— Зачем же убивать меня?...⁷

Собеседник Изгнанника в Ботаническом саду, узнав, что он русский, столь же безапелляционно заявляет: «Какой же вы жестокий народ!»⁸

Павел Нестеренко подводил итог своим наблюдениям с классовых позиций: «Интеллигенция относится к иностранцу очень любезно, но рабочий класс не особенно любит иностранцев, потому [как] иностранец делает конкуренцию».⁹ Изгнанник реагировал на ксенофобию очень эмоционально: «Слишком тесно я связан с моим народом, слишком уже я люблю Россию, — и потому с тревогой слежу за тем, как она представлена за границей, — писал он Русселю. — А представлена она куда как плохо! [...] Такой, даже ничтожный случай, как был здесь недавно, расстроил меня до крайней степени. Это — то, что мне сказали, что департамент в Сиднее не посылает русских работать на фермы, в глубь страны, объясняя это тем, что получено от фермеров масса заявлений, чтобы не посылали русских, ибо они всё равно не будут приняты, как народ негодящийся и нечестный». Об этом же отношении писал и Домерщиков:

«В департаменте, занимающемся отправкой эмигрантов внутрь страны, отказываются помогать русским, мотивируя тем, что они получают жалобы на рекомендованных ими русских, и именно только русских».¹⁰

Незнание английского языка героями нашей истории и ксенофобия австралийцев по отношению к чужакам ограничивали круг общения русских иммигрантов и замыкали их в своей общине. Отношение их, и прежде всего политэмигрантов, прибывших в Сидней в 1908–1909 годах к своим соотечественникам, уже жившим в Австралии, было двойным. Михаил Михайлов (Краузе), например, писал:

«Всякий эмигрирующий сюда русский должен рассчитывать только на самого себя, так [как] живущие здесь русские ничего не могут сделать для приискания заработка. Во-первых, потому, что не имеют ничего общего с английским или вернее австралийским обществом, а во-вторых, в силу неразвитости, которая не даёт возможности иметь правильное представление о местной экономической и промышленной жизни и её отдельных функциях. Самое большое, что они могут сделать — это познакомиться с тем мирком, в котором обращаются их интересы».¹¹

Эта характеристика относилась, в первую очередь, к группе рабочих, возглавляемых Нестеренко, прибывших в Сидней в 1906 году, и о которой мы писали в первом очерке. Кое-как устроившись и найдя работу, они долгое время не могли вписаться в австралийское общество. В то же время

Доктор Николай Судзиловский-Руссель, обосновавшийся на Филиппинах, следил за жизнью русских политэмигрантов в Австралии

те из их соотечественников, кто уже успел ассимилироваться, вызывал у новых иммигрантов некоторое раздражение. Об этом писал ещё Нестор Калашников, один из первых русских политэмигрантов, заехавший в Сидней в начале 1907 года по дороге в Новую Зеландию: «Прожил я в Сиднее, ожидая попутного парохода, 8 дней. Встретил несколько русских, но они все говорят по-английски». Эти же нотки звучат и в рассказе Марии Ясиновской о «русской колонии» в Сиднее: «Есть у нас знакомые: доктор Вольфович с женой — еврей, выдающий себя за русского, но имитирующий во всём англичан, они из Варшавы — оба очень добрые люди, но мало интересующиеся Россией. [...] Вольфович зарабатывает 7000 рублей в год, он уже 8 лет здесь [...] Русских здесь мало. Еплер — поляк, довольно милый господин, гостеприимный, веселый, она — очень милая и добрая женщина, но ни звука по-русски.

⁷ Изгнанник. *Come on!* — В кн.: На пире земли, с. 129.

⁸ Изгнанник. Из моих скитаний. (Из австралийских очерков) — Далёкая окраина, № 748, 8 ноября 1909, с. 2.

⁹ П. Нестеренко — в редакцию газеты «Воля», ГАРФ, ф. 6317, оп. 1, д. 30, л. 3.

¹⁰ Изгнанник — Н. К. Русселю, 28.10.1908, ГАРФ, ф. Р5825, оп. 1, д. 134, л. 10; М. М. Домерщиков — Б. Д. Оржиху, ГАРФ, ф. 6317, оп. 1, д. 73, л. 138.

¹¹ М. Я. Михайлов-Краузе — Б. Д. Оржиху, ГАРФ, ф. 6317, оп. 1, д. 24, л. 8.

Подпись Алексея Щёголева в документах о натурализации

Есть ещё маляр Диомид — грек из Порт-Артура, женатый на русской, отлично говорит сам по-русски и охотно поставляет работу русским, он нашёл работу и для Лейтенанта [Домерщикова] на конфетной фабрике. Потом есть ещё Александров, скотовод, он недавно приехал, ещё один русский — не знаю кто, и мы все. Вот и вся колония русская».¹²

Любопытно, что в статистическом отношении число уроженцев Российской империи в то время было во много раз выше. Согласно переписи 1901 года, в Новом Южном Уэльсе в то время проживало 1262 человека, а в 1911 году — 1536 человек, родившихся в России, однако представители русской колонии Сиднея, которая начала формироваться в 1906–1908 годах, этих русских явно не замечали. Это и неудивительно, так как подавляющее большинство этих уроженцев России ни по этническому происхождению, ни по языку и культуре и не были русскими. В эту статистику попадали, например, британские подданные, родившиеся в России в то время, когда там работали их родители, и затем перебравшиеся в Австралию. Были среди них евреи, преимущественно с территории Польши, входившей в состав Российской империи. Многочисленны были финны, эстонцы, латыши, прибалтийские немцы, обычно прибывавшие

¹² Н. С. Калашников — Н. Русселю, ГАРФ, ф. Р5825, оп. 1, д. 137, л. 2; М. Ясиновская — Б. Д. Оржиху, ГАРФ, ф. 6317, оп. 1, д. 49, л. 8–10.

в Австралию в качестве моряков. Из славян в статистику попадали поляки, часто покидавшие свою родину по политическим мотивам. Были среди них, несомненно, и лица с преимущественно русской культурой, однако в иноэтнической среде связь их с родиной постепенно ослабевала. Мы познакомимся с несколькими из этих старожилов.

Алексей Щёголев родился в Курске в 1859 г. По-английски он писал своё имя как Alexis Theodore Shegoleff и можно было бы предположить, что отца его звали Фёдор, однако в свидетельстве о смерти Алексея отец его записан как Alexis. Алексей приехал в Австралию в 1884 г. из Порт-Саида и поселился в Сиднее, работая агентом по продаже швейных машин. Те немногие материалы, что удалось найти о нём в австралийских архивах и газетах, косвенно свидетельствуют, что это был человек образованный, о чём говорит его почерк и элегантная подпись в документах о натурализации.

А детальная опись украденных у него золотых украшений, которая появилась в 1900 году в сиднейской «Полицейской газете», говорит о том, что Щёголев в Австралии не бедствовал. Среди украденного был «саржевый костюм джентльмена» и обручальное кольцо с выгравированной датой «1881» — очевидно, в брак он вступил незадолго до отъезда в Австралию. В Сиднее он жил со своей женой Евгенией Николаевной; детей у них не было. В 1904 году,

когда началась Русско-японская война, к ним проявил интерес журналист сиднейской газеты, отметивший, что госпожа Щёголева является, вероятно, единственной русской женщиной в Сиднее. А заинтересовала она его потому, что происходила из семьи русского кавалерийского офицера, участвовавшего в Крымской войне, и имела хорошее представление о русской армейской жизни. В конце 1890-х годов Евгения съездила к себе на родину, в Торжок, и на страницах газеты с удовольствием поделилась своими впечатлениями о модернизации русской армии.

Щёголев был одним из немногих эмигрантов XIX века, протянувших руку помощи новоприбывшим радикалам. Именно у него Михайлов иногда получал работу по починке швейных машин. К сожалению, тайну своего переезда в далёкую Австралию Щёголевы унесли с собой в могилу — Евгения умерла в 1909 году, Алексей вслед за ней, год спустя.¹³

Джордж (вероятно, Георгий) Калачёв (Kalachoff) — ещё один русский старожил Сиднея с интересной судьбой. Из его заявления на натурализацию мы узнаём, что он родился в Севастополе в 1851 году. Местная австралийская газета в кратком некрологе, посвящённом ему, утверждала даже, что он был защитником Севастополя во время Крымской войны, но это маловероятно, и скорей всего, участником войны был его отец. Джордж Калачёв прибыл в Сидней в 1880 году, работая кочегаром на английском

¹³ Alexis Theodore Shegoleff — Naturalization, National Archives of Australia (в дальнейшем — NAA), A1, 1908/1641; Burglaries, New South Wales Police Gazette, 14.02.1900, с. 57; Family notes, Sydney Morning Herald, 4.03.1909, с. 12.

корабле. Вскоре он женился на австралийской девушке Мэри Энн Смит и осел с семьёй в Сиднее, где у них родилось восемь детей. Джордж оставил морскую службу и стал заниматься торговлей. Можно было бы предположить, что это быстрое погружение в австралийскую среду способствовало его полной ассимиляции, однако это было не совсем так, свидетельство чему — русские имена, которые получили их дети — Анастасия, Спиридон, Вера, — да и тот факт, что одна из их дочерей, Милдред, вышла замуж за белоруса Петра Самсоновича. В годы Первой мировой войны Джордж активно участвовал в работе отделения Красного креста в Баллине, на севере штата, куда их семья переехала к 1911 году. В ответ на призыв мадам Мельбы, знаменитой австралийской певицы,

Рассказ Евгении Щёголевой о поездке в Россию в газете "Evening News"

RUSSIAN ARMY LIFE.

Mrs. A. T. Shegoleff, who enjoys the distinction of being probably the only Russian woman in Sydney, is, with her husband, who is likewise a Russian, deeply interested in the progress of the Russo-Japanese war. Her native town in Russia is Torjok, about 180 English miles from Moscow. Her father was a cavalry officer in the Crimean War, so her girlhood was spent in a military atmosphere. Some six or seven years ago she went back to Russia to pay her mother and other relatives a visit, and stayed two years. Her mother's house was close to the barracks in Torjok, which had a garrison of 3000 infantry and cavalry.

Speaking lately of Russian army life, she said that she noticed at once that it had improved greatly between the time of her leaving Russia for Australia in the 80's and the time of her visit. The Russian soldier, she said, is well clothed and well fed. Every soldier has three uniforms—a working uniform, a daily uniform, and a full dress uniform for Sunday and special days. The garrison was quite active in the summer, but not so much so in the winter. She used to hear the troops early in the morning cleaning out their quarters in the barracks, or doing stable work. Under the conscription law young men of good birth and station were obliged to do the work of ordinary soldiers. No private, no matter how rich, could hire anyone else to clean his horse or his quarters. He must do it himself.

THE SOLDIERS' FOOD.

Some of the food the garrison regularly received was better than that procurable by families of the middle class. The garrison at Torjok daily had four meals—breakfast, dinner, afternoon tea, and supper. Breakfast was at 6 o'clock, and consisted of tea, brown bread, buckwheat porridge, and sometimes fish. Dinner was at noon, and consisted of soup—potato or white cabbage soup—three-quarters of a pound of meat, and three pounds of brown bread to each man, and buckwheat pudding or boiled rice pudding, or some other kind. At 4 o'clock was afternoon tea, which consisted only of tea and brown bread. At 9 o'clock the men had supper, which consisted of soup, pudding, and fish.

In Lent the soldier had a great deal of fish. No spirits were allowed except on military holi-

собрать средства для помощи Красному кресту в России, они устроили вечер, где «Мистер Калачов (русский, который сражался в Крымской войне) ... угощал всех чаем из своего красивого самовара», — сообщалось в бюллетене Красного креста.¹⁴

Попадали в Сидней и русские аристократы. Так, например, в Австралию в 1904 году прибыл 20-летний юноша из Петербурга Ричард Пер (Roehr) для поправки здоровья. Как джентльмен, он снял в Сиднее дорогое жилье с пансионом, объявив, что он происходит из состоятельной петербургской семьи: среди его родственников фигурировали дед-баронет и крёстная-графиня. Не прошло и года, как он был арестован из-за неуплаты денег хозяевам — очевидно, получать деньги из России было не так просто. Следующий раз мы встречаем его имя в газетных сообщениях в 1912 году, когда он направил свой петербургский опыт на практику, став поваром в Богом забытом Форбсе, в австралийской глубинке, где-то за Коврой. Здесь, в довершение своих бед, Ричард заболел воспалением лёгких и попал в госпиталь. Обратившись снова к родственникам в Петербурге за помощью, Ричард, как, впрочем, и весь Форбс, был ошеломлён, узнав, что его крестная, та самая, что была графиней, умерла, оставив ему наследство в 14 тысяч фунтов стерлингов. В то время, по австралийским меркам, это было миллионное состояние. Несмотря на привалившее богатство, Ричард заявил, что не собирается возвращаться в Россию: «Мне

и в Австралии хорошо». Через год он женился на австралийской девушке Маргарет Уайт и вернулся в Сидней, где работал клерком на железной дороге. Но в 1921 году он снова оказался в центре австралийских новостей — на этот раз из-за растраты казённых денег, — подзревали, что он проиграл их, хотя сам Ричард отрицал такой порок.¹⁵

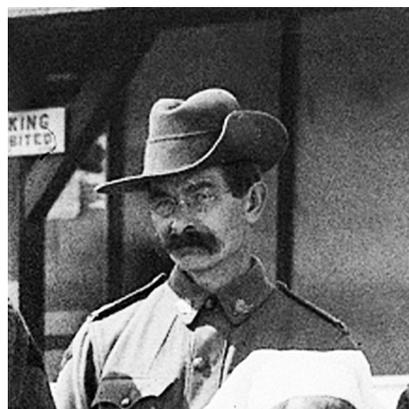
Эмиграция в Австралию в XIX веке была не рядовым событием и для евреев. Из западных губерний Российской империи им было проще перебраться в Англию, Америку и даже в Южную Африку. В Австралии же оседали обычно предприниматели, профессионалы, как уже упомянутый доктор Вольфович. Добирались до берегов Австралии и евреи-моряки, например, Луис Бродский из Одессы. Тем, кто победнее, приходилось полагаться на семейные связи; так, члены семьи Фридманов из еврейской земледельческой колонии Ровнополь на юге Украины переселялись в Сидней на протяжении 1855–1910 годов. Для Фридманов языком общения был идиш, а затем английский. Напротив, Луис Бродский, прибывший в Австралию в 1901 году, вырос в Одессе и хорошо знал русский язык. В 1903 году австралийские газеты напечатали его воспоминания о погромах и преследовании евреев в России, но Бродский, бывший социалистом, сохранял симпатии к русским и к своей родине. В 1913 году он помогал, например, русским шахтёрам в австралийском Ньюкасле в качестве переводчика, а после

¹⁴ Kalachoff, G — Naturalisation, NAA, A659, 1942/1/4149; Family tree on Ancestry.com; 'Mr George Kalachoff'—Wingham Chronicle and Manning River Observer, 9.03.1928, с. 6; 'Ballina', The N. S.W. Red Cross record, № 11, 1916, с. 33.

¹⁵ Richard Roehr, Naturalisation, NAA, A1, 1914/19344; 'A lady's claim', Australian Star, 19.06.1905, с. 4; 'A cook's luck', Forbes Advocate, 15.10.1912, с. 3; 'Railway clerk Roehr', Truth, Sydney, 2.01.1921, p. 11.

Луис Бродский (в центре) в окружении своей семьи накануне отправления на фронт

Станислав Урняж во время службы в армии в Первой мировой войне

революции даже попытался вернуться в Советский Союз.¹⁶

На этом фоне мысли о каком-то объединении возникали

¹⁶ 'Jews in Russia, how they are ill-treated... Sydney resident's experiences', Evening News, Sydney, 28.05.1903, p. 8; 'Russian immigrants', Newcastle Morning Herald and Miners' Advocate, 20.12.1913, p. 5.

ALL PEOPLE FROM RUSSIA living in Sydney are requested to attend a MEETING in the Queen's Hall, Pitt-street, on SUNDAY NEXT, at 2.30 sharp, Room 17, with a view to form a Russian Club. Business, general.

и у рабочих, и у интеллигентов. Так, Нестеренко ещё в январе 1908 года писал Борису Оржиху в газету «Воля» в Нагасаки: «В настоящее время мы все русские, вновь прибывшие, считаем долгом помочь бедному русскому человеку, не умеющему говорить по-английски. Хотя за небольшую плату, но будешь обеспеченный работой на другой день — такое постановление нашего союза». Однако уже в ноябре того же года Михайлов, разыскавший Станислава Урняжа, заказавшего в «Воле» литературу, пишет Оржиху: «Он, обращавшись к Вам с просьбой о высылке, действовал как представитель группы людей,

С этого объявления в сиднейской газете от 27 мая 1909 г. начинается отсчёт истории русских организаций в Австралии

желавших иметь революционную литературу. Теперь вся эта публика частью разбрелась и частью перессорилась, но он всё-таки дал слово, что вышлет вам деньги».

Тем не менее Михайлов сам, уже через пару недель после прибытия, в августе 1908 года, подумывал об организационном оформлении русских: «Публика здесь в большинстве случаев или беглецы от воинской повинности или легальные люди. Совершенно

Russian Club.—A Russian Club has been formed in Sydney. The initial meeting was held in the Queen's Hall under the presidency of Mr. George Ardakoff. There was a variance of opinion as to the objects which the society should take up, but after some discussion it was agreed to make its scope social and fraternal, and to exclude politics. It was pointed out that a considerable number of Russians came to Australia, particularly from Vladivostock, and these arriving without the knowledge of the English language found themselves at a great disadvantage. Members therefore agreed to do what they could to instruct new-comers in the language, and to help them generally. The following office-bearers were elected: President, Mr. G. Ardakoff; vice-president, Mr. J. Carloff; secretary, Mr. J. Pataka. These officers, with Mr. J. Grulen, will constitute a provisional committee to draw up rules, which will be submitted to a future meeting.

Отчёт о первом заседании Русского клуба в Сиднее

не группируются, и поэтому точно узнать, кто здесь есть, нельзя. Со временем думаю попытаться сбить в кучу — думаю, что удастся, так как подметил тенденции в этом направлении».¹⁷

Практические шаги по созданию русской организации были предприняты в мае 1909 года. 27 мая в сиднейской газете появилось объявление, призывающее «всех людей из России, проживающих в Сиднее» на собрание для учреждения русского клуба.

Собрание состоялось 30 мая в Квинс-Холл на Питт-Стрит; ныне по этому адресу (303 Pitt Street) находится высотное здание с торговым центром Pittsway Arcade. Именно от того первого собрания в Квинс-Холл

¹⁷ Нестеренко — в редакцию газеты «Воля», ГАРФ, ф. 6317, оп. 1, д. 30, л. 3; Михайлов-Краузе — Оржиху, ГАРФ, ф. 6317, оп. 1, д. 24, л. 4–8.

информации для помощи новоприезжим, особенно не владеющим английским языком». В другой корреспонденции отмечалось, что характер клуба будет «социально-братским». Временное правление клуба было выбрано в следующем составе: президент Джордж Авдаков, его заместитель Джон Карлов, секретарь Дж. Патака.¹⁸

Под именем Джорджа Авдакова скрывался социал-демократ Виктор Константинович Курнатовский, бежавший из сибирской тюрьмы, о котором мы уже рассказывали в предыдущих очерках. Следов Дж. Патака в австралийских документах найти не удалось — можно лишь предположить, что это был грек, знавший русский язык, — а вот Джон Карлов — лицо вполне реальное. Он родился в Петербурге, вероятно, получил неплохое образование и прибыл в Сиэтл, на западном побережье Америки, в конце XIX века и работал машинистом и механиком. В конце 1908 года он перебрался в Сидней, оставив в Америке новорождённую дочь с женой.

Хотя на первых порах численность членов клуба составляла всего 30 человек, уже месяц спустя, на заседании 4 июля, было принято решение о создании «библиотеки русских и английских книг, чтобы содействовать сравнительному изучению двух языков». На этом же заседании, на котором председательствовал Дж. Патака, было подтверждено решение «воздерживаться от политики» и поставить во главу угла «взаимопомощь» членов клуба вместо прежнего аморфного направления «помощи русским иммигрантам», однако практическая помощь иммигрантам

¹⁸ 'All people from Russia', Sydney Morning Herald (SMH), 27.05.1909, с. 2, 'A Russian club', Daily telegraph, Sydney, 31.05.1909, с. 3; 'Russian club', SMH, 5.06.1909, с. 12.

в подыскании работы и изучении английского не снималась с повестки дня.¹⁹ В ноябре 1909 г. Дж. Карлов, выступая на страницах газет от лица русского клуба, опровергал заявление русского консула в Австралии о том, что иммигранты здесь умирают от голода. Со знанием дела он рассказывал, что если поначалу иммигрантам без языка, прибывающим из Владивостока, и приходилось трудно, то теперь, с помощью их организации, все трудоустроены и стали на ноги.²⁰

В январе 1910 года русский клуб впервые проводил вечер, для которого было арендовано помещение в Юрика-Холл на Уильям-Стрит. По этому случаю в клубе побывала корреспондентка австралийской католической газеты Агнес Макриди, с большой симпатией рассказавшая об объединении русских. Она впервые указывает его точное название: «Русское общество помощи» (Russian Aid Society) и, говоря о небольшой русской общине в Сиднее, подчёркивает, что имеет в виду «собственно русских». Культурно-этническая принадлежность, как мы увидим дальше, являлась важным аспектом конституционирования первых объединений выходцев из России. В корреспонденции отмечалось, что целью общества является помощь новоприбывшим, но, кроме этого, действует клуб, который проводит встречи для общения раз в месяц и ведёт школу для изучения английского языка два раза в неделю с бесплатным преподаванием. Вечер, на котором побывала корреспондентка, включал чаепитие с самоваром и закусками под русским флагом, песни (она отмечает

¹⁹ 'The newly-formed Russian club', Maitland Daily Mercury, 5.07.1909, с.3; 'The Russian Club', SMH, 5.07.1909, с.6.

²⁰ 'Russians dying of hunger', SMH, 9.11.1909, с.8.

WITH THE RUSSIANS IN SYDNEY On Tuesday Evening.

On the table with its tea cups and refreshments in the little ante room adjoining the social hall stood the "samovar." That told its own tale. The Russians in our midst, as with many other nationalities, had met together in a spirit of patriotism to display national emblems, to sing national songs, dance a national dance. The tea from the "samovar" must have recalled memories to the exiles. The Russian music for everyone present had a message. It expressed Russia, the Russia of many phases, of high culture and yet ignorance, of great riches and awful poverty, of progress and still re-

Статья о первом вечере в Русском клубе в январе 1910 г.

исполнение национального гимна и «Дубинушки»), весёлые русские танцы. Но, кроме этой «русской экзотики», австралийская гостья несомненно ощутила ауру русского интеллектуального общения — «дух Пушкина, Гоголя и Тургенева». Набору стереотипных представлений о России — «степи, волки и Сибирь» — она противопоставляет душу России, любовь к которой и боль за которую она почувствовала, беседуя с русскими иммигрантами. Они произвели на неё впечатление «прекрасных представителей цивилизации и культуры», многие из которых принадлежали к «сливкам» русского общества — «офицеры в армии, профессора в университетах, доктора, юристы, художники». Покорила её и «очаровательная русская леди», утверждавшая, что в Австралии они превыше всего ценят не красоты

Сиднейского залива, буш или безоблачное небо, а свободу.²¹

Однако взгляд самих русских на создание этого общественного объединения несколько отличался от радужных представлений нашей корреспондентки. В письме одного из сиднейских эмигрантов, возможном, самого Курнатовского, написанном вскоре после учреждения общества, говорится: «В Сиднее устраивается „русское общество взаимопомощи эмигрантам“. Цели его: подыскание работы для вновь приезжающих, открытие справочного бюро и основание курсов английского языка. Записалось пока 22 человека, но выйдет ли толк, не берусь сказать. Цель хорошая, но во-первых, русские ужасно не дисциплинированы

²¹ [Agnes Macready], 'With the Russians in Sydney on Tuesday evening', Catholic Press, 13.01.1910, с. 19. Подпись: Arrah Luen

и не умеют вести никакого общественного дела, а во-вторых, здесь среди эмигрантов порядочный% х... ов, что может очень плохо отразиться на молодом Обществе».²²

Русский политэмигрант Иннокентий Ангарский (Жидовкин), член боевой дружины эсеров, бежавший из Сибири и прибывший в Сидней в июне 1909 года, писал в заявлении на членство в обществе ссыльно-поселенцев в 1931 г.: «Попав в Австралию в числе первых политэмигрантов, [я] принял активное участие в жизни русской колонии, состоял членом и работал по организации там Общества взаимопомощи, Русского клуба и библиотеки, „О-ва помощи политкаторжанам и ссыльно-поселенцам в Сибири“». Однако в письме своему другу по Нагасаки, Якову Силину, латышскому политэмигранту, рассказывал о проблемах общества вполне прозрачно: «Организовалось здесь „Русское общество взаимопомощи“ [...] Цели этого общества положительно неизвестны никому, во главе правления (есть и такое) стоят люди очень почтенные и уважаемые ... кем они уважаемы об этом скромно умолчим. Состав членов довольно разношёрстный. Первое время преобладали евреи, а так как направления у общества никакого нет, и вступить может всякий, говорящий по-русски, то вместе с евреями попали и самые заядлые их, пахнущего чесноком, как сказал один из них. Благодаря такому отношению, очень скоро возникли недоразумения, которые чуть не кончились форменной дракой. Некоторые из членов вышли из состава, а некоторых исключили. Теперь это общество

избавилось, как от „добрых“ ребят (не вполне), так и от людей, могущих дать хотя что-нибудь дельное. Собственно говоря, ну его к черту!»²³ Надо сказать, что евреи, связанные с русской культурой, проявили интерес к клубу с самого начала. «Если клуб собирается проводить свою деятельность на всеконфессиональной основе, — писала еврейская газета, — он несомненно получит большую поддержку от членов нашей общины».²⁴

Этно-политическая конфронтация, раздиравшая Россию накануне революции, как в капле воды воспроизводилась в сообществах россиян за её пределами. Подобного рода аморфное общество взаимопомощи год спустя будет создано и в Брисбене, куда к тому времени направится эмиграционный поток. В 1911 г. бразды правления в нём захватит большевик Артём (Фёдор Сергеев), и его установка на классово-пролетарские ориентиры смягчит нарастающие этнические коллизии. В Сиднее, напротив, сильного лидера не нашлось, поскольку первый десант русской эмиграции скоро сошёл на нет. Михаил Михайлов-Краузе, Изгнанник и Ясиновские покинули Австралию ещё до образования Общества. Уезжая, Изгнанник писал: «Даже наиболее интеллигентные представители русской эмиграции львиную долю своего времени посвящали и посвящают печальному занятию взаимной „критикой“. В среде их царил и царит нетерпимость и недоверие, к этому присоединяется постоянное раздражение, одних на тяжёлые материальные условия жизни, других — за обманутые

ожидания, с какими они ехали за границу».²⁵ Он был одним из немногих иммигрантов, испытывающих глубокую боль и стыд за обращение с евреями в России, и поведал об этом в рассказе «Абрашка». Говорит он в нём, правда, без возвышенных деклараций, и о любви к родине, которая терзала и его сердце.

Виктор Курнатовский, не выдержав «потогонного труда» в Сиднее, покинул город в конце 1909 года, взяв, вместе с Семёном Судаковым, подряд на вырубку векового леса в Ви-Ва, на границе с Квинслендом. Несколько месяцев спустя Михаил Домерщиков будет на руках тащить тяжелобольного Курнатовского к кораблю, который отвезёт его в Париж, к Ленину — на пролётку у них не хватит денег. А десятилетие спустя, когда вернувшийся в СССР Домерщиков попадёт в руки ОГПУ, эта заслуга перед партией спасёт его. Другим «возвращенцам» из этой когорты повезёт меньше, но это уже тема совсем другого исследования.

Последние сведения о Русском клубе, которые удалось найти, относятся к сентябрю 1910 года, когда туда нагрянула полиция, подозревающая иностранцев во всех смертных грехах. К этому времени клуб арендовал помещение для встреч в районе Дарлингхёрст. Выяснив, что клуб действительно не занимается политикой, а только помогает бедствующим иммигрантам, его оставили в покое.²⁶ В апреле 1912 года новоприбывший политэмигрант Яков Генрихович Лукац, землемер по профессии, писал о растущей общине эмигрантов в Сиднее: «Русских тоже порядочно, но всё народ

²² [А. Пашинский.] Из Австралии. — Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1909, № 38–39, с. 19. Подпись: Его.

²³ [И. Ангарский (Жидовкин)] — Я. Силину. 3 января 1910 г. Архив Якова Силина, собрание Елены Говор, Канберра.

²⁴ 'A Russian Club', Hebrew Standard of Australasia, Sydney, 18.06.1909, с. 8.

²⁵ Изгнанник [Антонов И.Н.]. Из моих скитаний, Далёкая окраина, 14.06.1909, с. 3.

²⁶ 'At the Russian Club', Sun, Sydney, 27.09.1910, с. 5.

Михаил Домерщиков по возвращении в Россию в 1915 году

неинтеллигентный, и австралийцы смотрят на них как на низший элемент. Живут они грязнее и неопрятнее других большею частью. Народ не революционный, а беглые солдаты или искатели приключений и моряки. Было у них года два тому назад и Русское общество, но вследствие внутренних раздоров расплозлось. Теперь живут все совершенно разрозненно. Слышал имя революционера, но ещё не разыскал».²⁷

²⁷ Я. Г. Лукац — А. Л. Теплову, 4.04.1912, ГАРФ, ф.1712, оп. 1, д. 70, л. 140–140 об.

Детальная история русской общины в последующие годы может стать темой отдельного исследования, но, забегая вперёд, можно сказать, что русский кружок и библиотека продолжали существовать в Сиднее в той или иной форме и в последующие годы. Упоминания о них встречаются в русских газетах, издававшихся в Брисбене в 1915–1917 гг. Так, в списке эмигрантских организаций в декабре 1915 года значатся Сиднейское отделение помощи политическим ссыльным и каторжанам и Сиднейская библиотека (секретарь — тов.

Зелёнов), 330 Castlereagh St.²⁸ В 1916 г. не раз о сиднейских русских писал и Герман Быков (А. Резанов); из его довольно критических корреспонденций следует, что центром русской жизни в этом году была русская библиотека, где по воскресным вечерам проходили «дебаты», «диспуты», а попросту говоря, разговоры о том, о сём, а больше ни о чём». Причину слабости сиднейской организации он видел в том, что она имела в своих рядах «бывших интеллигентов».

Ныне на месте адресов, по которым когда-то располагался «русский» Сидней начала XX века, выросли небоскрёбы и пролегли эстакады современного города, но он не исчез бесследно. «Когда я переселился в Сарри-Хиллс, — рассказывает Роберт Карлов, — я почувствовал, что я здесь когда-то уже был, а потом узнал, что на этой улице жил мой прадед». Он говорит о Джоне Карлове, одном из основателей Русского клуба, который, казалось бы, без следа растворился в австралийском этносе и ничего не передал своим детям из своего русского прошлого; но ныне его правнук, «чёрный русский», как он себя называет, поскольку сын Джона породнился с австралийскими аборигенами, изучает русский язык и готовится отправиться в путь по следам своих легендарных предков.²⁹ ■

Канберра, 2019 г.

²⁸ Эмигрантские организации в Австралии, Известия Союза русских эмигрантов, 2.12.1915, с. 3; А.Р-в. Наше землячество в Сиднее, Рабочая жизнь, 1.01.1916, с. 3; А.Р-в. Ещё о Сиднее (Заметки и наблюдения), Рабочая жизнь, 18.07.1916, с. 4; А.Р-в. Мельбурн, Рабочая жизнь, 15.08.1916, с. 3.

²⁹ Интервью с Робертом Карловым, 1.08.2016, архив Елены Говор, Канберра.

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ АНТОНОВ

(Псевдоним «Изгнанник»)

АБРАШКА

Рисунки Геннадия Веремеенко

I.

ДАЛЕКО, ДАЛЕКО — ПОД ЮЖНЫМИ ЗВЁЗДАМИ, где вечно шумит беспокойное море, приютился небольшой австралийский городок Ньюкэстль.

Туда, на маленьком парходике, направился я из шумного Сиднея в поисках какой-нибудь работы.

Рано утром парход причалил к пристани. Избавленный судьбой от всякого багажа, я первым сошёл на берег, прошёл мимо кричащих, суетящихся людей, мимо ящиков, мешков, наваленных на берегу, проскользнул между скрипящими телегами, нагруженными разною кладью, и вышел на чистую, тихую, немногочисленную улицу.

Я увидел типичный провинциальный городок, где сонно течёт безбурная жизнь и где не было ничего, что могло бы приковать к себе пытливые внимание.

Тянулись невысокие домики, испещрённые разноцветными вывесками, жались друг к другу всевозможные магазины с нужными и ненужными товарами, проходили, громко стуча по тротуару, озабоченные люди, изредка дребезжали колёса экипажей.

Лениво дымя пахучей английской папироской, я прошёл половину улицы, зашёл в еврейский магазинчик, и словоохотливый торговец из Кишинёва в несколько минут посвятил меня в несложную монографию патриархального городка. Между прочим, он сообщил мне, что в конце улицы имеет фруктовую лавку какой-то русский крестьянин.

Я был рад, что услышал свой язык, отблагодарил любезного соотечественника последними новостями с родины и дружески простился с ним, сказав, что пойду посмотреть на нашего сермяжного аргонанта.

Выходя из лавочки, я заметил на другой стороне улицы одинокую фигуру другого еврея — молодого и чрезвычайно худого.

Одет он был в серый потёртый костюм, значительно меньше его роста, на голове лепилась приплюснутая рыжая кепка. Он смерил меня любопытствующим взглядом и, словно сконфуженный, робко пошёл своей дорогой. Эти две встречи невольно перенесли мою мысль в нашу пресловутую «черту».

Вскоре я нашёл и русскую лавку. На мой звонок из-за деревянной перегородки вышел высокий, черноволосый человек лет 30-ти и отчаянным английским языком спросил, что мне угодно?

Я отрекомендовался. Он встретил меня с напускной развязностью, с какой говорят мужики, приспособившиеся к городской жизни; всё же беседа наша скоро наладилась.

Он очень доволен своим положением. Торговля идёт бойко, одевается он франтом, с ним дружит хорошенькая мисс — и его совершенно не тянет на родину.

С покровительственной важностью он дал мне некоторые указания относительно работы, угостил фруктовой водой и, провожая из лавки, пожелал «всех наилучших благ».

На обратном пути я опять встретил молодого еврея. Он так же, как давеча, пристально и грустно смотрел на меня, и было что-то просящее, виноватое в его тщедушной фигуре.

До вечера я успел обойти весь городок.

Никакой работы пока не находилось. Ноги мои еле двигались, душу давила тяжёлая пустота. С горькой жалобой, за тихим забвеньем я пошёл на песчаный берег, где бьётся и ропщет неумолчное море...

Выходя из лавочки, я заметил на другой стороне улицы одинокую фигуру другого еврея — молодого и чрезвычайно худого

II.

ГЛУБОКОЕ НЕБО ДЫШИТ И СВЕТИТ НЕТЛЕННЫМИ звёздами. Тайной молитвой, песенкой матери баюкает грустная ночь шум и слёзы беспокойного дня, и под её кроткой лаской, как капризный ребёнок, задумывается и засыпает крикливая жизнь.

Тяжело вздыхает бессонное море, — тёмное и величественное, как храм. Молитвенно звучит душа его могучим органом; плавно, как фимиам, курится пред небом священная песнь и плещутся в берег кипящие звуки...

И песнь моря, и ласка неба, и молитва ночи таинственно погружены в одну многозвучную симфонию, и светит она одиноким душам, сыплет цветы на тернистые дороги и покорно тает в ней глухой ропот земли...

Тихо и безлюдно на берегу. Я сижу на небольшом камне, и сладкая истома отдыха разливается

по телу. Слева доносится дыхание города, яркие огоньки пристани дрожат в море...

Сзади меня захрустели шаги. Я оглянулся. Ко мне, робко и пугливо, подходил молодой еврей, которого два раза я встречал сегодня в городе.

— Вы русский, — начал он вкрадчиво, — уже знаю... Здравствуйте!..

Он со вздохом опустил на песок, снял свою кепку и грустно посмотрел на море.

— И что вы сюда приехали? Немножко посмотреть?

— Нет, не для этого. Да тут и смотреть нечего. Я приехал искать работы.

Он обнял руками свои узкие колени, вздохнул и, плавно покачиваясь, заговорил как будто сам с собой:

— Работы... Работы... Ой-ой-ой, как трудно здесь найти себе работы... Ой, как трудно найти работы!

Он ещё больше съёжился, словно ушёл в себя, и напоминал полинявшую, подстреленную птицу.

Немного помолчал, опять вздохнул, помял в руках свою кепку и снова обернулся ко мне:

— Вы знаете? — Я тоже искал себе работы. Но, на-кажи меня Бог, я не знаю, куда ушла эта самая работа! А может быть, она и не ушла, живёт себе здесь, но вы-таки не можете её найти!..

Косматая волна зашипела у наших ног. Мой собеседник что-то проворчал и недовольно отодвинулся назад.

— Когда умерла моя старая мамаша, мы-таки жили себе в Кишинёве, и я не знал, что такое нужда. Мой папаша работал, я работал, у нас было много знакомых. Мой папаша говорил мне, что меня уже надо женить. Один раз, когда мы шли из синагоги, папаша показал мне на хорошенькую девушку Розу, мигнул одним глазом, хлопнул меня по плечу, засмеялся и спросил: «Скажи мне, Абрашка, как тебе нравится Роза?» Я ничего не ответил, я только очень покраснел... И почему я знаю, где теперь эта самая Роза?..

Новая волна бурно метнулась к нам и с плачем разбилась о прибрежные камни.

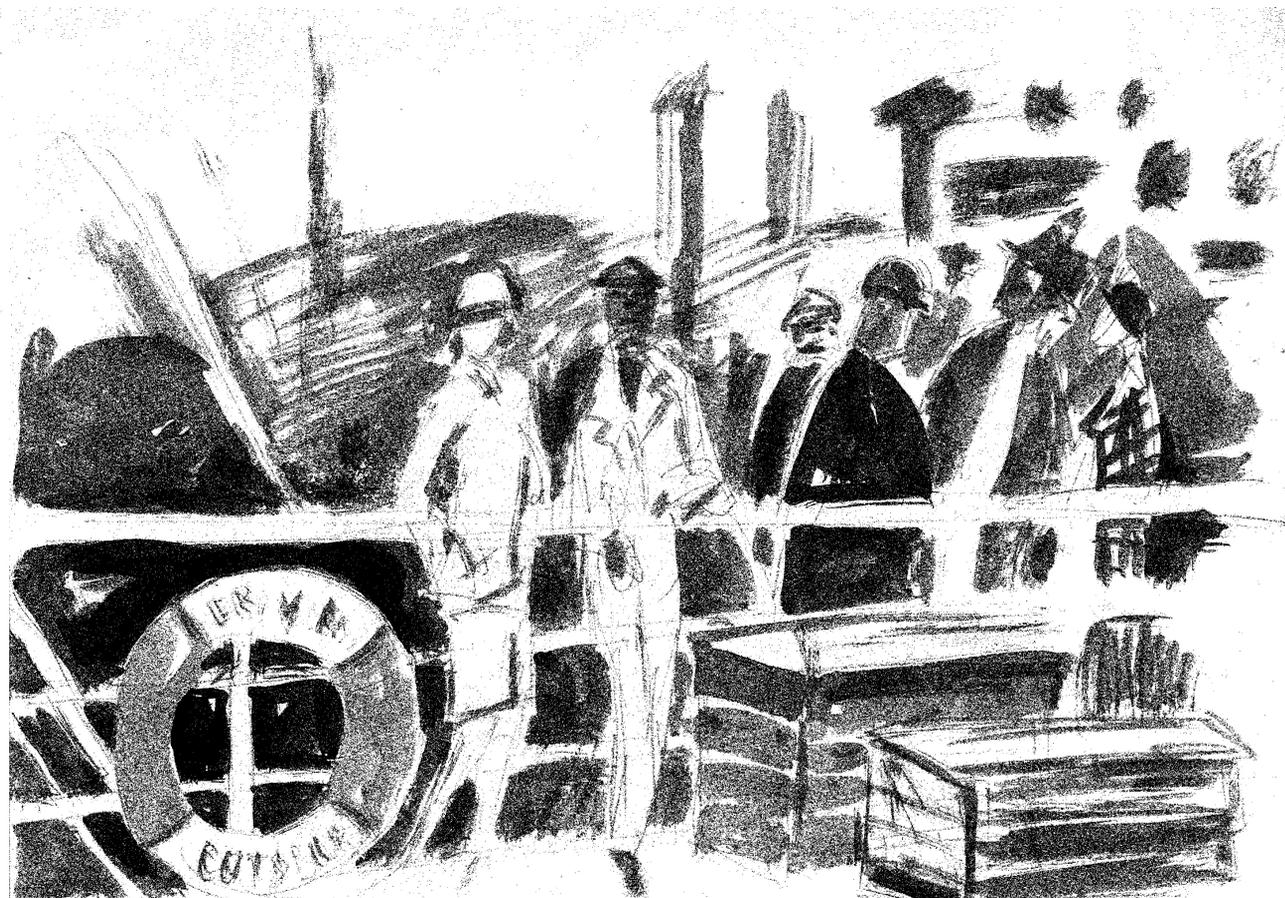
— Ну, что вы скажете на это? — быстро поднявшись, упрекнул Абрашка волну, — ей-таки нужно идти туда, где говорят люди!

Он стряхнул с себя брызги волны, и мы перешли на другое место. Абрашка устроился в той же позе и продолжал:

— И вот, мы себе жили в нашем доме, и всё было хорошо. Розочка уже ходила к нам, мы гуляли в праздник в саду, и она говорила мне: «Абраша», «ты». А потом... потом...

Абрашка опустил голову и, грустно качаясь, монотонно причитывал:

Тогда я стал ходить на пароходы и там предлагать свои перья. Но — надо мной смеялись, выгоняли на берег, а один раз какой-то матрос больно толкнул меня ногой, обругал «жидом» и прогнал с парохода

— А потом был этот ужасный погром... Ох, не приведи Бог увидеть, что я тогда увидал! Я увидал, как моего папашу ударили в голову камнем... Разбитое окно звенело, на улице кричали, по лицу папашы текла кровь. Мы хотели выбежать на двор, нас схватили, стали бить... Я ничего уже не помнил... Весь день сидел в погребе... И дрожал... Плакал и дрожал... А когда ночью всё стихло и я вылез из погреба и вошёл в дом, — мой папаша лежал на полу мёртвый... О-о-о-о!.. Боже мой, Боже мой! Если бы могла встать из могилы моя старая мамаша, — она бы ещё раз умерла!..

Абрашка качался и стонал, и его горькой жалобе вторило гневное море.

Я молчал. Жгучий стыд пронизал мою душу, и её печаль стала ещё беспросветней...

— И вот я приехал сюда, — снова начал Абрашка, — и вот, как вы, стал искать себе работы. Здесь — много добрых евреев, и они дали мне денег и сказали мне — работай! И я открыл себе дело. Мой покойный папаша говорил мне: «Абрашка, выбирай себе лёгкую работу». Ну, я и подумал — что же может быть легче пера? И я купил себе страусовых перьев, снял магазин и стал торговать. Ну скажите мне, пожалуйста, разве я виноват, что никто не хочет покупать у меня перьев? Разве могу я тащить покупателя за горло и сказать ему — покупай?.. Тогда я стал ходить на пароходы и там предлагать свои перья. Но — надо мной смеялись, выгоняли на берег, а один раз какой-то матрос больно толкнул меня ногой, обругал «жидом» и прогнал с парохода. Мне уже было нечего кушать...

Тогда я опять пошёл к добрым евреям и сказал им, что мне надо кушать. Но они мне сказали — ты, Абрашка, нам чужой, потому что ты — дурак... И тоже выгнали... И теперь мне некуда идти... И я кругом один, один, как палец...

Абрашка умолк и продолжал качаться, охватив голову руками... Мне показалось, что он плачет.

Море глухо шумело и белые волны дробились о камни...

— И что вы скажете, — встряхнулся Абрашка, — разве есть теперь на земле правда?.. А? Есть на земле правда, — вы мне скажете?..

Нервы мои не выдерживали больше. Я молча поднялся с камня и торопливо протянул руку:

— Прощайте!

Абрашка быстро встал и озабоченно проговорил: — Но вам-таки надо где-нибудь ночевать? Пойдёмте, у меня есть очень хороший знакомый, мы принесём ему перо, и он нам даст ночевать... Куда вы себе ночью будете идти?..

Я поблагодарил за заботу и молча пошёл вдоль берега.

В ушах звенел монотонный голос Абрашки, рисовалось его сердце — тёмный, трепетный комок, измятый, растоптанный и, словно кнутом, иссечённый обидами жизни...

Шумно плескались пенные волны, молчал тёмный и пустынный берег, а чёрный силуэт человека одиноко стоял над морем, словно ждал от него ответа... ■

